

Но, как бы то ни было, версия о злодействе медицинских работников в начале 30-х годов уже вынашивалась, уже была в стадии активного созревания.

«Дело украинских врачей»

В год «великого перелома», как называют 1929 год в советской истории, было сфабриковано дело о «вражеском заговоре» украинских академиков. В газете «Правда» (22 ноября 1929 г.) было опубликовано сообщение ГПУ УССР о раскрытии заговора украинских контрреволюционеров из так называемого СВУ — Спілки визволення України (Союза освобождения Украины). Среди них было 5 врачей — известных ученых — теоретиков. Им было предъявлено обвинение, что, они «...проводили медицинский террор» против большевиков». Газета писала, что «...медицинская группа своей террористической свирепостью выделялась среди других».

Процесс по «делу СВУ» был открыт 9 марта 1930 г. в переполненном зале Харьковского оперного театра. Подробно изучил материалы процесса и осветил их в печати М. Мирский (1999). На скамье подсудимых оказались 45 обвиняемых — видных представителей украинской интеллигенции во главе с вице-президентом ВУАН (Всеукраинской академии наук), известным ученым С.А. Ефремовым. Было объявлено, что все они входили в контрреволюционную организацию СВУ, которая имела своей задачей свергнуть советскую власть в Украине. Обвинительное заключение поддерживал видный партийный деятель А.П. Любченко, который выступал в качестве «главного общественного обвинителя (от ВЦСПС)».

Среди 45-ти подсудимых было пять врачей — руководитель медицинской секции ВУАН А.Г. Черняховский и члены секции А.А. Барбар, В.В. Удовенко, В.Я. Подгаецкий и Н.А. Кудрицкий. Это были известные в Украине люди, специалисты по теоретической медицине. Обвиняемых могло быть и больше. Во время следствия подвергались аресту профессор Киевского медицинского института Н.П. Вашетко, М.П. Нецадименко, С.С. Дяченко, А.И. Крупский, Г.С. Руденко.

Александр Григорьевич Черняховский был представителем известной врачебной династии (его старший и младший братья были профессорами-хирургами). Он посвятил себя гистологии и стал видным ученым: известны, например, его тонкие исследования не-

рвных клеток. Как специалист-гистолог он работал в лаборатории испанского ученого, нобелевского лауреата Рамон-и-Кахаля. С 1919 г. профессор А.Г. Черняховский заведовал кафедрой гистологии и эмбриологии Киевского медицинского института.

Владимир Яковлевич Подгаецкий в 1923 г. основал в Киевском медицинском институте кафедру гигиены труда и много внимания в своих научных исследованиях уделял различным проблемам гигиены сельскохозяйственного производства.

Гигиенистом был и Владимир Васильевич Удовенко. Он несколько лет работал в Бердичевском уезде, где занимался, главным образом, вопросами санитарии и гигиены. В 1923 г. стал профессором, заведующим кафедрой общей гигиены Киевского медицинского института.

Аркадий Алексеевич Барбар и Николай Антонович Кудрицкий были научными сотрудниками ВУАН и одновременно преподавали в Киевском медицинском институте: первый был старшим ассистентом, а другой — профессором. Как и вышеназванные ученые, они в своей практической деятельности не были связаны с лечением больных. Таким образом, на скамье подсудимых оказались врачи по образованию и ученые по роду выполняемой работы, представители теоретических медицинских специальностей. Все они были из старой интеллигенции, которую тогда по указанию партийной номенклатуры считали «буржуазной» и соответственно относились к ней как к чужеродному элементу.

Сотрудники ГПУ, арестовав пятерых украинских ученых-медиков, нашли в их биографиях немало «темных пятен». Так, выяснилось, что Подгаецкий, Барбар, Кудрицкий и Черняховский в прошлом социал-демократы. Кроме того, Подгаецкий оказался бывшим членом Центральной Рады, а Барбар — сотрудником Министерства здравоохранения Украины при гетмане Скоропадском. Удовенко в царской России был земским врачом, а Черняховский совсем недавно, в 1928 г., совершил поездки в Берлин и Мадрид.

Правда, уже на суде скороговоркой прозвучали и факты другого рода. Так, адвокат Ривлин сообщил, что благодаря А.А. Барбару и другим товарищам 3 тысячи раненых красноармейцев, оставленных в Киеве после отступления Красной Армии, были признаны гражданскими больными, и никто из них не пострадал. Говорилось о том, что В.В. Удовенко, простой врач до революции, был крупным специалистом и поэтому в 1923 г., при советской власти,

получил кафедру экспериментальной гигиены. Приводились и некоторые другие факты, рисовавшие подсудимых отнюдь не как «врачей-бандитов». Однако все это суд не принял во внимание: доминировал суровый обвинительный тон.

Обвинение, которое было предъявлено на процессе в Харькове ученым-медикам, названным «членами медицинской группы СВУ», поражало абсурдностью, нелепостью и чудовищной несообразностью. Оказывается, члены медицинской группы СВУ, обсуждая вопрос о том, как относиться к больным коммунистам, решили относиться к ним враждебно и, вместо того чтобы их лечить, уничтожать их. На предварительном следствии Барбар якобы так и заявил: «Большевики не вызывают жалости и не заслуживают врачебной этики».

«Медицинскую группу» СВУ называли «черным кабинетом», — писала одна из центральных газет, «Комсомольская правда». — В «черном кабинете» уважаемые профессора и академики тихонько обсуждали важный и сложный вопрос: как им, врачам, легче и тише уничтожить коммунистов... Вот вы, коммунист, заболели и пригласили врача. По мнению «черного кабинета», заседавшего в Киевском медицинском институте, врач должен явиться к вам, пощупать пульс, посмотреть язык, узнать, с какого года вы состоите в партии, ...и отправить вас к праотцам. В «черном кабинете» заседали «мягкотелые интеллигенты» и думали: «Что будет мягче и интеллигентнее: травить больных коммунистов ядом или бактериями?»... Эти — «мягкотелые интеллигенты» сейчас гнутся перед советским судом. Мягкотелость не помешала им изобрести жесточайшую систему «медицинского террора».

Еще дальше пошла «Правда». Центральный партийный орган заклеил «всех этих врачей-бандитов» как невиданных доселе преступников, заявив, что «...этой своей террористической свирепостью медицинская группа выделяется среди других групп СВУ».

В ходе процесса обвинение не представило никаких доказательств «медицинского террора» или «террористической свирепости врачей-бандитов», хотя их и вынудили каяться во всех мыслимых и немыслимых грехах. Вот, например, что сказал в своем заявлении суду А.Г. Черняховский: «Я чувствую за собой вину, которая заключается во вредительской политической работе; особенно меня мучит сейчас то, что я был связан с заграничной эмиграцией. Я очутился в рядах врагов трудящихся Украины потому, что у меня националистические эле-

менты играли преимущественную роль над политическими». Таким образом, ни о каком «медицинском терроре» «врач-бандит» Черняховский не сказал ни слова. Не сделали на процессе внятных заявлений о «медицинском терроре» и другие «врачи-бандиты». Однако и сказанного ими было достаточно для обвинения. Не доказательная база, а взятый большевиками на вооружение тезис «признание вины — царица доказательств» стал из-за своей простоты всеобщей нормой уголовного процесса (С.В. Корсаков, 1998).

Украинский юрист А. Болабольченко несколько лет назад познакомился со всеми 250 томами «дела СВУ» и не нашел там ни одного фактического доказательства преступлений или вины кого-нибудь из 45-ти подсудимых, в том числе, разумеется, и пятерых врачей. Ни тогда, в 1930 г., ни потом никто не обратил внимания, что «врачи-бандиты» по роду своей деятельности не занимались медицинской практикой и, следовательно, даже при желании не могли проводить пресловутый «медицинский террор». Есть веские основания считать, что авторство этого высосанного из пальца обвинения принадлежит самому Сталину. В 1992 г. в архиве ЦК КПСС был обнаружен следующий документ — письмо Сталина руководителям Украины С.В. Косиору и В.Я. Чубарю (В. Акопов, 1999).

Шифром

Харьков — Косиору, Чубарю.

Когда предполагается суд над Ефремовым и другими? Мы здесь думаем, что на суде надо развернуть не только повстанческие и террористические дела обвиняемых, но и медицинские фокусы, имевшие своей целью убийство ответственных работников. Нам нечего скрывать перед рабочими грехи своих врагов. Кроме того, пусть знает так называемая «Европа», что репрессии против контрреволюционной части спецов, пытающихся отравить и зарезать коммунистов-пациентов, имеют полное «оправдание» и по сути дела бледнеют перед преступной деятельностью этих контрреволюционных мерзавцев. Наша просьба согласовать с Москвой план ведения дела на суде.

И. Сталин

2.1.1930 г. 16-45.

Вероятно, «вождь народов», узнав, что среди арестованных по «делу СВУ» есть медики, тут же и придумал пресловутые «медицинские фокусы», имевшие своей целью убийство ответственных

работников». Совершенно ясно, что в медицинских науках «корифей науки» разбирался откровенно слабо, а о том, что в медицине существуют клинические и теоретические специальности, и вообще, может быть, не подозревал. Никто так и не решился подсказать ему, что абсурдно приписывать попытки «отравить и зарезать коммунистов-пациентов» ученому-гистологу или гигиенисту.

Однако тон обвинения врачей был задан. И хотя выдержать его на процессе, судя по показаниям подсудимых, не удалось, дело было сделано — всему миру было сообщено о преступной деятельности «врачей-бандитов», которые к тому же подумывали о возможности нарушить так называемую врачебную этику и считали возможным осуществить «медицинский террор», — как сказал прокурор Ахматов, «...использовать медицинскую науку для уничтожения творцов пролетарской революции».

Естественно, все врачи были осуждены, а это чудовищное обвинение еще долго тяготело над медициной. Государственной политикой было воспитание у общества ненависти к «буржуазным интеллигентам» и «спецам». Машина пропаганды постоянно клеймила их в прессе, что, естественно, сказывалось на отношении общества к врачам.

Для более полного представления об остроте ситуации уместно напомнить названия некоторых статей, опубликованных врачами и юристами в те годы: «К судебной ответственности!», «К итогам дискуссии о служебной ответственности врачей», «О профессиональной ответственности врача», «Врач, больной и закон», «Ближе к рабоче-крестьянским массам» и другие.

Реакция в стране последовала незамедлительно. Еще не кончился суд, не был вынесен приговор, а отклики уже последовали. Например, общее собрание медицинской секции ВАУН приняло резолюцию, в которой решительно отмежевалось от «контрреволюционной кучки» своих бывших коллег, решило исключить «фашистских наемников» из медсекции и настаивало на исключении их из профсоюза и лишения права заниматься врачебной деятельностью. Таким образом, даже коллеги, хорошо знавшие «фашистских наемников» как ученых-теоретиков, выдвинули абсурдное требование лишить их права на то, чем они не занимались, — права на врачебную деятельность, то есть на лечение больных.

Процесс по «делу СВУ» продолжался почти полтора месяца, и 19 апреля 1930 г. был объявлен приговор. Врачи А.А. Барбар, В.В.

Удовенко, В.Я. Подгаецкий получили по 8 лет тюремного заключения, А.Г. Черняховский — 5 лет, Н.А. Кудрицкий — 3 года (условно). По тем временам — шел еще только 1930 год — это было очень суровое наказание.

Почти 60 лет тяготел над именами видных украинских ученых-медиков этот суровый приговор. И только 11 сентября 1989 г. Пленум Верховного суда Украины отменил несправедливый приговор, реабилитировал не только врачей, но и всех, кто был осужден по «делу СВУ».

Дальнейшую судьбу тех, кого называли тогда «врачами-бандитами», была не менее трагична (М. Мирский, 1999).

Только Профессор А.Г. Черняховский уже в 1934 г. оказался на свободе, но на прежнее место работы — заведующим кафедрой Киевского медицинского института — его не взяли. Он устроился на рядовую должность в «опорном пункте» во Всеукраинском институте экспериментальной медицины в Сталино (Донецк), но позже возвратился в Киев, где работал в отделе экспериментальной онкологии Института экспериментальной биологии и патологии. В 1934-1938 гг. он выполнил ряд интересных исследований, таких, например, как об иннервации опухолей, о чем доложил на I съезде онкологов УССР (Киев, 1938). Умер А.Г. Черняховский в 1939 году.

Н.А. Кудрицкий, единственный из врачей, который был осужден условно, тоже не смог вернуться на работу как профессор Киевского медицинского института. Он зарабатывал на хлеб литературным трудом. В 1931 г. в Харькове вышла его брошюра на украинском языке «Детям — гигиенические условия жизни и труда». Дальнейших следов Н.А. Кудрицкого найти не удалось.

Что касается трех остальных врачей, то их судьбу установил А. Болабольченко. Судьба эта трагична. А.А. Барбар, почти отбывший весь срок наказания, 9 октября 1937 г. был приговорен к смертной казни и 3 ноября 1937 г. расстрелян. В эти же дни был осужден и расстрелян и В.Я. Подгаецкий, тоже чуть-чуть не успевший отбыть весь срок наказания. В.В. Удовенко 25 ноября 1937 г., через три дня после того, как окончился его 8-летний срок, был приговорен к расстрелу и погиб 8 декабря 1937 г.

Можно добавить, что трагичной оказалась судьба и главного общественного обвинителя А.П. Любченко, председателя Совнаркома УССР, который в предвидении неизбежной гибели в застенках НКВД 30 августа 1937 г. покончил жизнь самоубийством.

Общей тенденцией практически всех дел, инспирируемых чекистами, была зловещая закономерность, когда под крышу одного «дела» собирали как можно больше «соучастников», а затем отпочковывали еще несколько дел. Именно таким образом создавался миф о всеобщем заговоре вредителей, что служило подтверждением тезиса И. Сталина об обострении классовой борьбы, и развязывало руки для повального террора.

«Дело военных врачей»

Среди множества политических процессов, инспирированных чекистами в конце 30-х годов, было и «дело военных врачей», сотрудников Красноярского гарнизонного госпиталя. Обвинение было предъявлено — Николаю Агишеву — начальнику кожно-венерологического отделения, Петру Антропову — военврачу II ранга, Вениамину Протопопову — военврачу II ранга, Зиновию Гохлернеру — начальнику аптеки госпиталя, Илье Айзенбергу — невропатологу, военврачу I ранга, Василию Покатилову — комиссару госпиталя (А. Ферапонтов, 2001).

Врачей арестовали 23 ноября 1937 года. Главным фигурантом в деле был В. Протопопов. Его трагическая жизнь была своеобразным отражением превратностей той эпохи. После окончания в 1916 году медицинского факультета Томского университета он был мобилизован и отправлен на фронт, где работал в полковых лазаретах до самого окончания войны. Затем судьба забросила его в армию Колчака, а с 1920 года — в Красную армию, в Красноярский гарнизонный госпиталь. Он был действительно знающим врачом. За время службы в госпитале ему довелось лечить таких знаменитых людей, как полярники Отто Шмидт и Николай Папанин.

Всего за год до ареста местная газета «Защита Советов» опубликовала большую статью — «Юбилей врача», приуроченную к 20-летию его врачебной деятельности. Вот как писали о нем: «Вениамин Николаевич Протопопов один из представителей старой интеллигенции, немалая часть которой сразу после революции примкнула к рабочему классу, к советской власти. И наш юбиляр на протяжении ряда лет, засучив рукава, активно участвовал и участвует в нашей величественной и созидательной стройке нового общества».